

Татьяна Тягунова*

Смотреть этнофеноменологически

Аннотация. В статье делается попытка, отталкиваясь от тех концептуализаций повседневной реальности, которые содержатся в работах Шюца, взглянуть на повседневность в эмпирической перспективе – в перспективе того, как повседневность *практикуется*. Следствием данного эмпирического взгляда оказывается переконцептуализация понятия повседневности – повседневность рассматривается не как атрибут жизненного мира повседневности как «конечной области смысла», а как формальная черта любой социальной практики, что, в свою очередь, требует изменения исследовательской установки.

Ключевые слова. Феноменология, повседневность, жизненный мир, рутинные действия, социальные практики, практическая рефлексивность, intersубъективность.

С «легкой руки» Альфреда Шюца, а если точнее — Эдмунда Гуссерля, повседневный жизненный мир суть мир в его непроблематичной данности. В своей последней работе «Структуры жизненного мира», опубликованной посмертно¹, Шюц дает следующее определение: «Под повседневным жизненным миром следует понимать ту область реальности, которую бодрствующий, нормальный взрослый индивид в установке здравого смысла обнаруживает как просто данную. „Просто данное“ обозначает все, что мы переживаем как не подлежащее сомнению, любое положение дел, которое до поры до времени предстает как непроблематичное» [18, S. 29]. Но что значит «непроблематичное»? Непроблематичное как не подлежащее сомнению, само собой разумеющееся стало расхожим (прежде всего в обиходе социологического языка) атрибутом повседневности. Само собой разумеющимся следствием такой характеристики оказывается, среди прочего, определение повседневного действия как действия принципиально нерелексивного. Несомненно, Шюц всецело склоняет к этому, когда пишет: «само собой разумеющееся (das Fraglosgegebene) всегда представляет собой такой уровень восприятия, который представляется не нуждающимся в дальнейшем анализе» [11, с. 391]. Я предлагаю задержаться на этом данном-как-не-нуждающимся-в-вопрошании — но не для того, чтобы еще раз подвергнуть (теоретической) рефлексии (нерелексивное) повседневное действие (Шюц прекрасно

* **Тягунова Татьяна Васильевна** – научный сотрудник Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета.

© Тягунова Т., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

¹ Книга была написана учеником Шюца Томасом Лукманом на основе плана и черновиков, подготовленных Шюцем незадолго до смерти для проекта «Структур жизненного мира», задуманного как продолжение вышедшей в 1932 г. в «Springer-Verlag» книги «Смысловое строение социального мира» (единственной изданной Шюцем при жизни, если не брать в расчет его многочисленные статьи). В предисловии к новому изданию «Структур...» в 2003 г. Лукман пишет, что точно следовал составленному Шюцем плану, если не считать двух «существенных» отклонений. Первое связано с изменением внутренней структуры третьей главы, посвященной рассмотрению субъективного запаса знания, что повлекло за собой необходимость добавить новую главу (она значится под номером 4 как «Знание и общество»). Второе изменение касается заключительной (в первоначальном плане Шюца) главы, посвященной методологии социальных наук — Лукман исключил ее из окончательного варианта, поскольку, как он пишет, она в основе своей не выходила за рамки того, что было сформулировано в эссе «Обыденная и научная интерпретация человеческого действия» [18, S. 18–21].

проделал эту работу) или, возможно, эксплицировать «само собой разумеющееся» самого социологического понимания (что было бы не менее самонадеянно). Моя цель несколько иная: отталкиваясь от тех концептуализаций повседневной реальности, которые содержатся в работах Шюца, взглянуть на повседневность в эмпирической перспективе — в перспективе того, как повседневность *практикуется*. Я постараюсь показать, что эта задача потребует, в свою очередь, переконцептуализации самого понятия повседневности, с одной стороны, и изменения исследовательской установки, с другой.

Онтологическая подкладка повседневности

Для Шюца повседневный жизненный мир представлял собой верховную реальность: мир повседневности — родовое пространство всех возможных областей смысла. Повседневный мир — мир рутинной деятельности, или мир работы². Однако, замечает Шюц, «рутина — это такая категория, которую можно обнаружить на любом уровне деятельности, а не только в мире работы, хотя решающую роль она играет в верховной реальности — по меньшей мере потому, что мир работы является локусом всех возможных социальных взаимоотношений, а акты работы выступают предпосылками всех типов коммуникаций» [11, с. 349]. Остановимся пока на данном отрывке. В каком смысле рутинные действия обнаружимы в любой деятельности? Не следует ли из этого, что любая деятельность принципиально повседневна? Для Шюца, разумеется, нет. Хотя рутинные действия суть повседневные действия, однако повседневная реальность и рутина отнюдь не тождественные понятия. Более того, утверждает Шюц, ни одна из альтернативных областей смысла не совместима со значением повседневной жизни: действия (теоретизирования) ученого и действия непосредственного участника обыденных ситуаций взаимодействия (или действия ученого как непосредственного участника этих ситуаций) взаимно исключают друг друга. Шюц виртуозно пытается обойти кроющуюся в высказанном тезисе двусмысленность, во-первых, особым образом концептуализируя само «действие» (1), во-вторых, посредством скрупулезной проработки одного из ключевых в его теории понятий — понятия «релевантность» (2)³.

(1) Шюц строго разграничивает понятия «поведение», «действие», «работа», «исполнение» и просто «мышление». В частности, «поведение, которое замышляется заблаговременно, т. е. базируется на заранее составленном проекте... буде[т] называ[ть]ся *действием* (action), независимо от того, является ли оно внешним или скрытым» [9, с. 405]. Целенаправленное действие, характеризующееся намерением реализовать проект, является исполнением, которое также может быть либо внешним, либо скрытым; примером последнего является попытка мысленно решить научную проблему. Наконец, под работой следует понимать внешние исполнения (в отличие от (скрытых) исполнений просто мышления), требующие телесных движений [9, с. 406]. Таким образом, одно дело — размышлять, другое дело — например, строить гараж. Вывод банален, и на нем не стоило бы заострять внимание, если бы не два важных момента, с которыми связано исходное разграничение. Во-первых, Шюц рассматривает мышление в эгологической перспективе, как сугубо приватный акт, внутренний процесс, имеющий внешний план выражения. (Здесь не место останавливаться на том, как демистификация этой приватности, начатая прежде всего Г. Райлом и Л. Витгенштейном и продолженная концептуальными аналитиками, показала социальную – внешнюю – подкладку этой «внутренней» материи, т.е. на том, что как язык, *так и мышление* следует рассматривать скорее в качестве социально организуемых вещей, а не в категориях ментальных процессов). Во-вторых, что более существенно, мышление, так же, как и акты работы, является действием (но исполняемым, в отличие от последних, во внутреннем плане) и так же, как и акты работы, может носить рутинный, т. е. привычный,

² Рутинная деятельность, пишет Шюц, — это «множество работ, привычно выполняемых почти автоматически в соответствии с предписаниями, которые были выучены и успешно практиковались до сих пор» [11, с. 347].

³ Разумеется, ход рассуждений Шюца не совпадает с тем, как он представлен здесь, однако для настоящего обсуждения это различие не существенно.

непроблематичный характер. Однако действия, категоризируемые как научные (а собственно научные действия для Шюца — это именно действия мышления, а точнее, действия теоретического созерцания), не являются рутинными в том смысле, в каком таковыми выступают акты работы в мире повседневности. Не являясь действиями рутины, они тем не менее *также* могут осуществляться привычным, непроблематичным образом, более того, предполагают осуществление рутинных актов работы. В чем тут дело, объясняет второй шюцевский концепт, а именно, понятие систем релевантностей.

(2) Шюц указывает, что «рутинная деятельность на каждом уровне характеризуется особой трансформацией... структур... релевантностей» [11, с. 350]. Конститутивные для реальности мира повседневной жизни рутинные действия работы — т.е. такие действия во внешнем мире, которые основываются на проекте и характеризуются намерением осуществить спроектированное положение дел с помощью телесных движений — входят в любую деятельность, будь то деятельность ученого, совершающего свои научные изыскания, композитора, сочиняющего очередную сонату, или, само собой разумеется, посетителя бакалейной лавки или пассажира метро. Однако, если для посетителя бакалейной лавки его акты работы (например, действия покупки пачки чая или соли) образуют «и сцену, и объект» его деятельности, то для ученого его акты работы (например, проведение экспериментальных измерений или написание статьи) образуют не более как фон, материальную основу собственно научных действий, определяемых иной системой (мотивационных, тематических и интерпретативных) релевантностей, которая задается его теоретической установкой и, будучи принятой, полагается как непроблематизируемая данность. «Все эти деятельности, — пишет Шюц, — выполняемые в мире работы и принадлежащие к нему, представляют собой либо условия, либо следствия теоретизирования, но не принадлежат к теоретической установке как таковой, от которой они легко отделимы» [9, с. 440]. Здесь, однако, возникает следующая проблема методологического характера, на которую справедливо указывает Ю. Хабермас. Если смена системы релевантностей вследствие занятия теоретической установки должна гарантировать «совместимость конструкторов социального ученого с конструкторами обыденного опыта социальной реальности» [10, с. 44], тогда, говорит Хабермас, Шюц должен был бы объяснить методологическую роль связанных с научной системой релевантностей особых ценностных ориентаций. «Он должен был бы показать, почему именно они помогают решить проблему, состоящую в том, чтобы связать построение теории с коммуникативно проясненным дотеоретическим знанием, которое социальный ученый обнаруживает в своей предметной области, не привязывая в то же время значимость своих высказываний к (обнаруженному или привнесенному им) контексту жизненного мира» [8, с. 18]. С точки зрения Хабермаса, смена естественной установки на теоретическую, в результате которой действия теоретизирования образуют своего рода фигуру на фоне действий работы (предполагающих включенное участие в исследуемую ситуацию), не может гарантировать объективность понимания исследуемых процессов, поскольку эта объективность достижима лишь на основе интерсубъективности, а значит — исходя из позиции (пусть даже виртуального) *участника*, а не отстраненного наблюдателя.

Таким образом, рутинная деятельность образует *фон* для других деятельностей. Она сущностно *маргинальна*. Рутинные действия производятся всегда «во имя» других действий, служат для выполнения деятельности, задаваемой, в терминах Шюца, системой релевантностей более высокого порядка. В этом смысле они более чем непроблематичны: не проблематизируясь не только в отношении целей (мотивационная релевантность) и средств (интерпретативная релевантность), но и как таковые, т.е. тематически. Точнее, они тематически релевантны, но парадоксальным образом, представляя собой, так сказать, «прирученную тему» (*topic-in-hand*)⁴. «Прирученная тема» — это нетематизируемая проблема, т.е. то, что представляет проблему, но не как таковую, а лишь применительно к

⁴ Рутинное знание, говорит Шюц, — это своего рода «знание-в-руках» [11, с. 352].

данному состоянию дел [11, с. 348]. Так, организация и проведение исследователем интервью в рамках решаемой им научной проблемы будет являться такого рода прирученной темой, подчиненной иной тематической релевантности, служащей схемой отбора и интерпретации данных; она образует нетематизируемую проблему (я знаю, как решить ее в типичной ситуации типичными средствами) — до тех пор пока, скажем, не ломается диктофон; тогда из нетематизируемого фона она превращается в тематизируемую проблему (замены или ремонта диктофона). Рутинная для Шюца образует *онтологическую* подкладку любой деятельности вообще, будь то решение текущих повседневных дел, проведение научного исследования или погружение в мир искусства⁵. Кроме того, это еще и категория, имеющая градуальную характеристику: реальность повседневного — это реальность *типичного*, рутинная же реальность повседневного — это реальность в высшей степени типичного, фактически «стандартизированного и автоматизированного».

Типичное vs. упорядоченное

Предложенное Шюцем понимание рутины примечательно прежде всего в двух отношениях. Во-первых, само собой разумеющийся, непроблематичный характер не является атрибутом исключительно мира повседневности: он присущ любой теоретической и практической деятельности (более того, эта черта применима не только к действиям в рамках соответствующей системы релевантностей, но и к самим системам релевантностей [11, с. 293], что, однако, вновь возвращает нас к поставленному Хабермасом вопросу относительно привилегированного статуса научной системы релевантностей и связанных с ней ценностных ориентаций по сравнению с системами релевантностей практических деятелей). Во-вторых, мир повседневности — мир не только непроблематичного, но и непрерывно проблематизируемого (прирученная тема то и дело «выпадает из рук»). Именно последнее обстоятельство я намерена далее взять за отправную точку и показать, что повседневность принципиально обнаружима в любой деятельности, но не в качестве онтологической подкладки рутинных актов и набора типизированных схем действия, а как *сущностная черта всякой социально организованной практики*. Вопрос, стало быть, звучит так: *как именно* происходит непроблематичное решение текущих прирученных проблем в качестве проблем-применительно-к-данному-состоянию-дел? Проанализируем два фрагмента стенограммы, представляющей собой расшифровку записи приема академического экзамена⁶.

Фрагмент 1

01	Ст.	свойства ощущений. значит=свойства ощущений а: делятся
02		на психофизиологические и психофизические
03	Пр.	давайте начнем сначала (.) что такое ощущение
04		определение дайте
05	Ст.	а ощущение эта: э:: (4.0) ну это то что человек ош/э
06		<<ощущает>смеясь>
07	Пр.	так. тая вас зовут да?
08	Ст.	да
09	Пр.	тая вы сосредоточьтесь подумайте
10		() ((уходит))
11		(15.0) ((возвращается назад))

⁵ Шюц, правда, далек от того, чтобы постулировать онтологичность *границ* между различными областями жизненного мира; это лишь различные *уровни* реальности, причем реальные в той мере, в какой им придается акцент реальности.

⁶ Запись была сделана во время зимней экзаменационной сессии 2008 г. в одном из университетов г. Минска; оригинальный аудиофайл хранится у автора настоящей статьи и может быть предоставлен по запросу любому желающему.

12	Ст.	ну ощущение это=а: (2.0) какой то наверно какая то
13		чус/чувствительность организма на воздействия=
14	Пр.	=ощущение это [психический процесс
15	Ст.	[психический процесс. а::: который
16		происходит при воздействии каких то раздражителей↓
17		а:: (2.0) и↑
18	Пр.	на что воздействие
19	Ст.	на::: человека.
20		(2.0)
21	Пр.	а конкретнее
22	Ст.	а: н на организм челов/ну=на: тело человека. (.) кожу.
23	Пр.	[на органы чувств
24	Ст.	[на органы чувств человека

Как можно видеть, студентка сталкивается с определенной проблемой, а именно: дать определение «ощущению», и соответственно с необходимостью решения данной проблемы. Рассмотрим, как это происходит.

Затруднение, явно обнаруживаемое действиями студентки, связано с просьбой преподавателя привести определение «ощущению». Своей просьбой преподаватель показывает, какой в данном случае должна быть структура ответа (с. 03–04) и, говоря «давайте начнем сначала», указывает на эту структурную неполноту в ответе студентки. «Сначала» здесь никоим образом не отсылает к астрономическому течению времени, оно является организационным моментом текущего взаимодействия, маркируя последнее как «ответ на экзамене», предполагающий определенную последовательность: «сначала» дается определение.

Студентка пытается дать определение, оказывающееся, однако, неудовлетворительным, и своим смехом демонстрирует, что и сама признает его неудовлетворительность. В своей тавтологичности ответ может быть принят как вполне достаточный, например, в ситуации неинституционального взаимодействия, в разговоре между непрофессионалами, однако он не верен в ситуации ответа студента на экзамене, формулирующего «определение психического процесса». Последнее предполагает, что ответ должен формулироваться в терминах профессионального языка, более того, их профессиональная отнесенность создается, как можно видеть из строчек 12–24, благодаря специфическому дискурсивному порядку. Иными словами, формулировка определения должна продемонстрировать не просто знание профессиональной терминологии (т. е. использование вместо слов «организм» или «кожа» слов «органы чувств»), а специфическую речевую практику, соответствующую тому, что принято считать «формулировкой определения психического процесса». В связи с этим замена «то, что человек ощущает» на «чувствительность организма на воздействия» рассматривается преподавателем как неадекватная (что значит: не воспроизводящая формальное начало определения, которое должно начинаться со слов «это психический процесс...»), что он и показывает своей корректировкой ответа студентки в строке 14.

Строки 09–14 позволяют также понять, что преподаватель вкладывает в слова: студент должен «сосредоточиться и подумать». *Подумать* – значит *продемонстрировать* тот специфический порядок высказываний, который соответствует практике формулирования «определения». Когда преподаватель корректирует ответ студентки, определяющей ощущение как «чувствительность организма на воздействия», говорит ли это о том, что студентка «не подумала»? Скорее, это свидетельствует о том, что преподаватель все еще не обнаруживает в ее ответе адекватной речевой структуры, которую, как ожидается, она должна знать и актуализировать применительно к текущей ситуации таким образом, чтобы ее «знание» было свидетельствуемо из самого способа ее говорения, т.е. она должна использовать профессиональные термины и воспроизводить определенный речевой паттерн. Дж. Коултер, рассматривая процесс «понимания», пишет в этой связи: «„Понимание“...

может означать знание о том, как действовать, знание о том, как использовать слово, инструмент, карту или любой другой контекстуально релевантный предмет, знание о том, как вести себя, знание о том, что произойдет дальше, и множество других вещей» [5, с. 86]. Как и «понимать», «думать» – значит публично демонстрировать определенную (речевую) практику, согласующуюся с окказиональными обстоятельствами ее контекстуального осуществления. Действия студентки в рассматриваемом фрагменте явно обнаруживают несоответствие тому, что от нее ожидается в данной ситуации.

И для студентки, и для преподавателя использование специфических терминов профессионального языка означает формулирование ответа на экзаменационный вопрос, т. е. их использование осуществляется внутри и подчиняется определенной образовательной задаче. В этом отношении употребление профессиональных слов и выражений студенткой встроено в демонстрацию ею своей *подготовленности*. Эту подготовленность студентка и предьявляет в первых двух строчках: она показывает, что «знает», как ответить на тот вопрос, который стоит в ее экзаменационном билете, используя термины «психофизиологические» и «психические», которые должны служить зримым свидетельством ее знания. Знание ею значения данных терминов – есть знание способа их употребления для-ответа-студента-на-экзамене. В этом смысле посредством того определения, которое она дает слову «ощущение» («ощущение... это то, что человек ощущает», с. 05–06), студентка обнаруживает, что к *данному* вопросу она не была готова. В то же время она демонстрирует свое понимание значения этого слова как слова естественного языка, употребляемого равным образом (в отличие от слов «психофизиологический» или «психический процесс») и профессиональными психологами, и рядовыми членами общества. Однако демонстрация оказывается проблематичной — но не как таковая, а применительно к данной ситуации, требующей «другого» понимания, или другой языковой игры, как сказал бы Витгенштейн — «понимание» столь же разнообразно, как и практики языкового употребления.

Что показывает нам этот пример? Прежде всего то, как внутри и посредством осуществляемых действий, т. е. внутри соответствующего контекста, происходит упорядочивание и наделение осмысленностью того, что осуществляется как «ответ на экзамене», придавая тем самым ситуации воспроизводимый, узнаваемый, короче, рутинный характер «ответа на экзамене». И хотя это осуществление непроблематично в целом, оно принципиально проблематизируемо в своих конкретных реализациях. Ни для студентки, ни для преподавателя не стоит вопрос о том, что происходит. Однако несомненность в происходящем как ответе-на-экзамене обеспечивается не имеющимся у каждого из участников типизированным представлением о том, что значит экзамен, а упорядоченной последовательностью взаимно ориентированных действий. Ответ на экзамене — это ситуация взаимных согласований, носящих окказиональный характер. Разумеется, эта ситуация определена: отвечает студент, принимает ответ и оценивает его преподаватель. Однако способ осуществления этих действий достаточно динамичен и вариативен: он не воплощает некой заданной схемы-ответа-на-экзамене, а реализуется в каждый момент времени исходя и с учетом конкретных обстоятельств. Ответ на экзамене, если воспользоваться выражением Д. Циммермана, суть «временное достижение участников обстановки»⁷. Другими словами, ответ на экзамене *практикуется*, и эта практика

⁷ Ср.: «Характерные черты обстановки, воспринимаемые ее участниками, включают среди прочего ее историческую континуальность, структуру правил и взаимосвязь совершаемых в ней действий с этими правилами, а также приписываемые (или достигаемые) статусы их участников. Рассмотренные как временное достижение участников обстановки, эти черты будут называться окказиональным корпусом черт обстановки. Используя термин «окказиональный корпус», мы хотим подчеркнуть то обстоятельство, что черты социально организованной деятельности являются партикулярными, контингентными осуществлениями производства и опознания работы участников деятельности. Мы подчеркиваем окказиональный характер данного корпуса по сравнению с корпусом знания членов, их навыков и убеждений, всегда предшествующих и не зависящих от любых актуальных обстоятельств, в которых это знание, навыки и убеждения проявляются или опознаются. Последнее обычно называют „культурой“» [20, р. 94, цит. по: 8, с. 18].

оказиональна в своем осуществлении — не в том смысле, что имеет место наполнение некой абстрактной (типичной) схемы или формы особенностями конкретной ситуации и структурирование последней согласно данной форме, скорее, сама эта форма оказывается результирующим эффектом локального осуществления упорядоченной, скоординированной и взаимно опознаваемой деятельности. В рассмотренном выше случае ответ на экзамене принимает форму последовательного согласования двух речевых практик: не просто двух языков, условно говоря, обыденного («ощущение — это то, что человек ощущает») и профессионального («ощущение — это психический процесс...»), а двух различных практик употребления слов, пересекающихся в ситуации академического экзамена. Равным образом и студент оказывается неподготовившимся студентом (не-знающим-определения-ощущения) не до ответа, а в ходе и как результат локальной конфигурации совместных действий данного преподавателя, принимающего экзамен, и данного студента, сдающего этот экзамен.

Типизированное знание того, что значит сдавать экзамен — например, взять экзаменационный билет, сесть за стол, записать на листке бумаги то, что будет составлять ответ на вопрос билета, озвучить написанное преподавателю, ответить на вопросы преподавателя — вполне может дать некое представление о происходящем и в то же время ничего не сказать о том, что происходит. И дело не столько в том, что все зависит от конкретных деталей, сколько в том, что «что» происходящего заключается в его «как». Одно и то же действие, например, ответ на вопрос, может быть осуществлено как студентом, так и преподавателем и, соответственно, упорядочиваться совершенно различным образом. В приводимом ниже отрывке (Фрагмент 2) «отвечает» не только студент, но и преподаватель. Но это разные ответы.

Фрагмент 2

- 01 Пр. так подождите гипократ положил в основание своей
02 типологии (.) э:: идею о соотношении четырёх основных
03 жидкостей в теле организма а что в основание своей (.)
04 своего учения положил павлов (.) како/идею о чём
05 (6.0)
06 Ст.: о свойствах нервной системы
07 Пр.: о свойствах нервной системы. что это за свойства
08 (2.0)
09 Ст.: э=м::
10 (17.0)
11 Ст.: я уже не помню
12 Пр.: ну вы же только что первые четыре слова назвали
13 (2.0)
14 Ст.: ну безудержность да? (1.0) да?
15 Пр.: нет вот вы когда говорили был такой то тип (2.0) по павлову
16 (1.0)
17 Ст.: да?=
18 Пр.: =да
19 Ст.: <<смеётся>>
20 (1.0)
21 Ст.: так. сильный тип
22 Пр.: так что он положил какое первое свойство нервной системы
23 (2.0)
24 Ст.: ну:: (1.0) ну не силу характера а
25 (1.0)
26 Пр.: сила (1.0) [нервной системы
27 Ст.: [нервной системы]

28	Пр.:	[как свойство нервной системы;
29			какие ещё свойства нервной [системы
30	Ст.:		[слабость
31	Пр.:	[ещё какие
32		(1.0)	
33	Ст.:	э::: (1.0) а=спокойствие да?= Пр.:	=нет
34		(11.0)	
35	Ст.:		может быть эмоциональность
36		(1.0)	
37	Пр.:		речь идёт о свОйствах нервной системы а не о: (.)
38			характеристиках человека (2.0) и эти свойства относятся
39			к двум основным процессам которые характерны для нервной
40			системы это процессы (2.0) возбуждения и↑ (4.0)
41	Ст.:		возбуждения и (2.0) ну не скажешь же успокоение↓
42	Пр.:		[торможение
43	Ст.:	[торможение

Преподаватель просит студента назвать свойства нервной системы (с. 07), что вызывает у последнего явные затруднения (с. 08–10). Свою неспособность ответить студент оправдывает тем, что «он уже не помнит» (с. 11). Ситуация конституируется как ситуация одновременно и ответа, и не ответа: студент не молчит и не говорит, что он не знает, а отвечает таким образом, который позволяет ему позиционировать себя как потенциально знающего, но не помнящего, причем слово «уже» должно подчеркнуть, что он готовился. Тем самым студент расширяет рамки текущей ситуации как ситуации ответа на экзамене, связывая ее с предшествовавшей ей ситуацией подготовки. Это не значит, что в других случаях ответ на экзамене строго ограничен тем, что происходит здесь и сейчас. Напротив, актуальная ситуация экзамена всегда включает в себя отсылку к тому, что ей предшествует как «подготовка к экзамену» и конституируется исходя из не требующего оглашения и взаимно предполагаемого допущения, что *перед* тем, как прийти на экзамен, студент готовится к нему, так что сам экзамен становится зримым свидетельством подготовки. Однако в данном случае обращение к ситуации, предшествовавшей подготовке, используется в качестве ресурса оправдания невозможности продемонстрировать знание, которое ожидается от студента. Слову «уже» в ответе студента противопоставляется «только что» в следующем за ним высказывании преподавателя (с. 12). Тем самым преподаватель возвращает релевантность актуально происходящего, акцентируя то, что было сказано студентом здесь и сейчас: «только что». Стратегии студента «демонстрировать знание, значит помнить и актуализировать выученное» он противопоставляет, как показывает дальнейший обмен, стратегию «демонстрировать знание, значит рассуждать» (с. 22, 38–41): возражая на слова студента «я уже не помню», преподаватель своей репликой «ну вы же только что первые четыре слова назвали» указывает, что студент все же знает, однако не в том смысле, что он помнит, сколько в том смысле, что он должен сделать вывод из «только что» сказанного (в строке 22 это ожидание демонстрируется наиболее явным образом: «так что он положил...»). Это обращение к актуально сказанному лишает студента возможности апеллировать к памяти как ресурсу знания (с. 14–20). Студент начинает использовать стратегию «угадывания» (с. 14). Однако неудача ее применения, обнаруживаемая последующей репликой преподавателя (с. 15), заставляет студента скорректировать свои дальнейшие действия и, как видно из строк 24 и 42, он задействует в дальнейшем еще одну стратегию, которую можно охарактеризовать как стратегию «упреждения неверного ответа» («ну не силу характера», с. 24; «ну не скажешь же успокоение», с. 42), позволяющую ему, с одной стороны, представить ответ как результат своих актуальных размышлений, с другой стороны, смягчить возможный негативный эффект в случае, если ответ окажется неверным.

В отличие от преподавателя, студент демонстрирует гораздо более широкий репертуар поведения. Его действия направлены на то, чтобы заверить преподавателя в том, что он не только следует предложенным правилам игры (демонстрирует знание), но и делает это таким образом, как от него ожидается (знать, значит рассуждать), гибко меняя стратегию поведения в случае обнаружения ее неэффективности в актуальной ситуации (знать, значит помнить). При этом студент не просто подстраивается под ожидания преподавателя, а, ориентируясь на ту линию поведения, которой придерживается преподаватель, структурирует свои действия таким образом, чтобы побудить, в свою очередь, преподавателя к желаемым для себя действиям — в конечном счете, преподаватель сам дает нужные ответы.

Управляя ответом на экзамене, студенты тем самым создают и управляют своим членством в категории «студент». Другими словами, студенты, как замечают английские исследователи Б. Бенвелл и Э. Стокое, «не только „образовываются“, но и „практикуют себя как студентов“» [13, р. 139]. То же верно и в отношении преподавателей. Из приведенного выше фрагмента видно, как в ходе экзаменационного ответа попытке студента сконструировать себя как того, кто «помнит и воспроизводит», противопоставляется систематически осуществляемое преподавателем конструирование студента как того, кто «рассуждает». И, как можно наблюдать, для студента «быть студентом» отнюдь не означает «рассуждать в терминах профессионального языка».

Что, однако, позволяет опознавать некую деятельность в качестве, например, ответа-на-экзамене (не только с точки зрения исследователя, но и с точки зрения самих участников деятельности)? Осуществление некой деятельности как *данной* деятельности означает именно упорядоченное и ориентированное с учетом имеющихся и возникающих обстоятельств осуществление. И в этом смысле — непроблематичное и повседневное осуществление. *Повседневное-как-упорядоченное* необходимо понимать в трех смыслах: как *согласованное*, как *следующее в обычном порядке* и как *осуществляемое надлежащим образом*⁸. Другими словами, повседневное осуществление деятельности означает также ее *компетентное* осуществление. Однако компетентность — практическая вещь, а не свод правил и инструкций. Нет «кулинарной книги» практики чтения лекции, сдачи экзамена и т. д. Компетентное осуществление чтения лекции, сдачи экзамена, как и любой другой деятельности — практическое достижение.

Повседневность практик и рефлексивность действия

«Повседневность», понятая как согласованное, ординарное, компетентное осуществление любой социально организованной деятельности рассеивает жизненный мир повседневности, трансформируя его из автономной верховной области или «конечной области смысла» во множественность различных пересекающихся и взаимопроникающих практик. Эта трансформация — след определенной перефокусировки в исследовании социальной реальности, произведенной в 70-х годах XX в. рядом исследователей, которые условно могут быть объединены как представители теории практик [2]. Сегодня, замечает В. Вахштайн, мы являемся свидетелями возрождения интереса к исследованию повседневности, характеризуемому некоторым изменением в определении последней: «Если в прежних — феноменологических и неомарксистских — теоретических проектах речь шла о страте „жизненного мира“ (Lebenswelt), представляющей собой „верховную реальность“ человеческого существования, то теперь повседневность возвращается в образе вместилища рутинных практик, своеобразной арены нерелексивных действий» [1, с. 66]⁹. Два момента, однако, требуют уточнения.

Я полагаю, вопрос должен быть сформулирован несколько иначе. Речь идет о том, чтобы

⁸ Немецкое «ordentlich», к слову, предусматривает употребление именно в этих трех значениях: одновременно и как *упорядоченный* и как *ординарный, постоянный, штатный, очередной* и как *в надлежащем порядке, аккуратно, прилично, пристойно, как полагается*.

⁹ Следует, однако, отметить, что данное высказывание Вахштайн делает в критическом модуле.

рассматривать не просто множественность повседневных практик, но множество различных социальных практик в их повседневном осуществлении. *Повседневность пронизывает все социальные практики*. Но не в том смысле, что составляет онтологическую подоснову любой деятельности и предстает в виде типизированных образцов действия, как полагал Шюц, а постольку, поскольку заключается в организуемых, согласованных, упорядоченных, воспроизводимых способах осуществления любой деятельности. Короче, следовало бы рассматривать не повседневные и не-повседневные практики, а различные практики в их повседневном осуществлении.

Второй момент касается отождествления повседневного и неререфлексивного. Несомненно, оба аспекта тесно связаны между собой: разделение на повседневные и неповседневные практики основывается на разграничении рефлексивного и неререфлексивного или дорефлексивного действий, восходящим, в свою очередь, как указывает Вахштайн вслед за В. Волковым, к юмовскому разведению практического действия и рефлексивного. В этом смысле Шюц лишь следует традиции, определяя деятельность научного теоретизирования как область собственно рефлексивного действия. Это не значит, разумеется, что, решая свои повседневные дела, практический деятель не осмысляет (не рефлексивует) свои действия, однако занятие рефлексивной установки предполагает, согласно Шюцу, остановку действия: схватить действие в рефлексии, говорит он, значит «остановиться и задуматься» [11, с. 348]. Рефлексия предполагает отстранение от участия. Конечно, и ученый, осуществляя свою научную деятельность, не только размышляет с позиции отстраненного наблюдателя, но и участвует в социальном взаимодействии, вступая в коммуникацию с другими исследователями, проводя измерения и т. д., короче, поддерживая воспроизводство соответствующей научной традиции. Однако одно дело — «наука как социальное явление», и совсем другое — «специфически научная позиция ученого по отношению к своему объекту», замечает Шюц [10, с. 37]. Противопоставление теории и практики создает, таким образом, предпосылки для изымания рефлексивности не только из повседневных практик, но и вообще из поля практики как таковой.

Другой коннотативный ряд задает противопоставление повседневного и неосознаваемого: повседневные действия неререфлексивны, поскольку основываются на само собой разумеющемся, неосознаваемом способе осуществления. Разумеется, речь не идет о том, что они бессознательны; они, скорее, вне, или до, осознания. Они не тематизируются, сказал бы Шюц. Однако же мы наблюдаем прямо противоположное. Практические действия непрерывно тематизируются, поскольку требуют постоянного согласования и упорядочивания. Рутинность — не основание и не условие повседневных практик, а следствие их упорядоченного осуществления. Рутинность осмысленно производится. Поэтому практические действия не являются до-рефлексивными, они рефлексивны в том смысле, что, как указывает П. Ауэр, «сами образуют контекст, который они делают интерпретируемым-для-всех-практических-целей-данного-момента» [12, S. 133]. Понятно, что так понятая рефлексивность не совпадает с тем, что подразумевает теоретическая рефлексия. Последняя — если взять за основу рефлексивный анализ в его (гуссерлевском) феноменологическом варианте — предполагает направленное интенциональное отношение, посредством которого происходит схватывание в акте сознания того, на что данный акт направляется, будь то другой акт или определенный объект, не являющийся состоянием сознания¹⁰. Практическая же рефлексивность — а я думаю, вполне оправдано использовать именно такой термин — есть черта *самих* практических демонстраций, описаний и объяснений, непосредственно связанная с неустранимой индексичностью социальных действий¹¹. В. Патцельт характеризует индексичность и рефлексивность в качестве «парных

¹⁰ Строго говоря, в феноменологическом смысле объектом рефлексивного отношения всегда выступает именно другой акт сознания (см.: [4, с. 122–134]), однако в контексте настоящего обсуждения этими тонкостями можно пренебречь.

¹¹ Индексичность — термин, используемый лингвистами для обозначения свойства выражений естественного языка, благодаря которому достигается понимание участниками взаимодействия совершаемых ими

концептов»: «В то время как концепт индексичности схватывает в известной мере *статический* аспект, имеющуюся в соответствующий момент времени семантическую множественность знака, концепт рефлексивности указывает на *динамический* аспект: на процессы поддержания или изменения отношений знак-контекст» [17, S. 69]. При этом, несмотря на индексично-рефлексивную укорененность объяснений в соответствующих контекстах, делающих невозможной твердую фиксированность значений, социальные ситуации переживаются, как правило, действующими субъектами как семантически прозрачные. «Прозрачность» достигается благодаря рутинно воспроизводимым процедурам практических объяснений, используемым членами социальных взаимодействий и выступающих в этом отношении также и в качестве методов деиндексализации¹².

Этнофеноменологический взгляд

Сказанное выше имеет одно важное методологическое следствие. Дело в том, что коль скоро мы начинаем рассматривать социальную деятельность в перспективе множества практик в их повседневной осуществяемости и окказиональной специфичности, позиция исследователя наталкивается на определенную проблему. Она более не может быть привилегированной позицией «незаинтересованного наблюдателя». Взгляд исследователя — это взгляд не извне, а изнутри. Исследователь, и здесь следует согласиться с критикой Хабермаса, должен «смотреть» с позиции участвующего (пусть даже виртуально), что, однако, не означает «так же, как» непосредственные участники (исследователь сохраняет свой особый интерес, диктуемый исследовательскими целями). Но что обеспечивает объективность такого взгляда? Ответ Хабермаса таков: общность структур взаимопонимания, основанная на универсальных притязаниях на значимость и присущей языку внутренней рациональности. Это, конечно, предполагает определенный взгляд на язык.

Исходя из наличия «внутренней взаимосвязи между структурами жизненного мира и структурами языковой картины мира» [15, S. 190], Хабермас наделяет язык трансцендентным по отношению к конкретной социальной ситуации статусом. «*Ситуация* представляет собой тематически выделенный, артикулированный посредством целей и планов действия фрагмент *принадлежащей жизненному миру системы соотношений*» [15, S. 187]. Это феноменологическое понятие системы (аппрезентативных) соотношений, связывающих между собой элементы ситуации, с одной стороны, и ситуацию и жизненный мир, с другой, должно быть понято, однако, как система (языковых) значений, основывающихся на «*грамматически регулируемых* отношениях между элементами *организованного в языке запаса знания*» [15, S. 187]. Ситуация для Хабермаса представляет собой внешнюю для разворачиваемого на ней (коммуникативного) события сцену,

коммуникативных действий в той или иной конкретной ситуации взаимодействия, с учетом текущих обстоятельств осуществления которого только и становится возможным постижение смысла данных действий. (Индексичными являются выражения «здесь», «тогда», «этот» и т. п.) Этнометодология придала данному термину более широкий характер, распространив его на все социальные действия в целом (см.: [3, с. 94–136]). Каждый элемент осуществления действия или взаимодействия образует его конститутивную составляющую и может быть понят лишь в соотношении с соответствующим контекстом. И наоборот, каждый элемент, в свою очередь, принадлежит к контексту того, что было до этого и что последует далее. Иными словами, любое действие связано с последовательностью предшествующих действий и образует контекст для последующих действий. Вследствие своей контекстуальной обусловленности каждое действие содержит в себе, таким образом, «горизонт ссылок» [14, S. 249], проясняемый благодаря процедурам практических объяснений (применяемых как рядовыми членами общества, так и учеными).

¹² Собственно, на тот факт, что смысл всегда является «индексированным» относительно соответствующих *здесь, теперь и таким образом*, указывал и Шюц, как и на то обстоятельство, что для ориентации действия решающим является то, что ситуации могут рассматриваться в своей *трансситуативной* взаимосвязи. Для Шюца, однако, деиндексализация ситуаций, действий и событий достигается в процессе типизации, в ходе которой действующие субъекты устраняют соответствующие индексы посредством идеализации «я-могу-сделать-это-снова» и переводят тем самым партикулярность конкретной семантической множественности в состояние более или менее выраженной анонимности (см., напр.: [10]).

ограниченную пространственно-временными и социальными аспектами жизненного мира, концентрически упорядоченными, обладающими все возрастающей анонимностью и диффузностью по мере своего социального удаления и обретающими тематическую релевантность в зависимости от потребностей во взаимопонимании и возможностей действия непосредственных участников коммуникации¹³. Язык как посредник в достижении взаимопонимания остается трансцендентен этим конкретным аспектам ситуации; он выполняет функцию установления отношений участников взаимодействия к фактам, нормам и переживаниям. Хабермасовское понимание коммуникации основывается, таким образом, на таком понятии языка, значения которого в конечном итоге оказываются независимыми от контекста их употребления. Язык представляет собой самостоятельную систему, обладающую собственной внутренней логикой, *не сводимой к социальным действиям*: «...коммуникативное действие обозначает такой тип взаимодействия, которое координируется посредством речевых действий, не совпадая с последними» [7, с. 24]. Это своего рода нормативная знаковая система, объективное существование которой обеспечивает ее отличие от субъективных интенций¹⁴. Коммуникативные значения укоренены в отделенной от потока социальных ситуаций языковой системе, исключительно исходя из которой и возможно формирование универсальных притязаний на значимость.

Однако то обстоятельство, что контекст не просто задан, а, со своей стороны, ситуативно конституируется и индексально связан с тематизируемыми элементами ситуации, делает невыполнимыми постулируемые Хабермасом притязания на значимость как определяемые в присущей им рациональности иллокутивной силой используемого в речевых актах общего языка. Как замечает Рольф Цимерман, «Вместо того, чтобы связать семантические правила с условиями социального характера, данные условия выводятся из иллокутивного смысла речевых действий» [21, S. 440]. Свойственная коммуникации рациональность и смысл высказываний в реальных социальных ситуациях в существенной мере связаны с локальными условиями производства речевых высказываний. Хотя Хабермас признает, что коммуникация протекает на фоне разделяемых ожиданий (относимых им к совместно разделяемому «социокультурному жизненному миру»), тем не менее, он, как кажется, игнорирует тот факт, что значения зависят не только от того, *что* говорится, но и от того, *кто, как и где* говорит.

Таким образом, признавая правомерность поставленной Хабермасом проблемы, трудно согласиться с предлагаемым им решением. Каким образом тогда исследователь должен действовать, чтобы гарантировать своим суждениям объективность, исходя при этом из перспективы непосредственных участников? Его взгляд должен стать своего рода *этнофеноменологическим*. Смотреть этнофеноменологически значит, с одной стороны, ориентироваться на рутинные способы действия и (вос)производства социальных феноменов в их «вот-этой» специфичности; с другой стороны, обнаруживать их всякий раз в, так сказать, «неприрученном» качестве — для исследователя они представляют собой проблемы не только применительно к данному состоянию дел, но и как таковые. Объективность заложена в интерсубъективности, однако связана не с универсальностью притязаний на значимость, обеспечивающих общность процессов взаимопонимания, а с инвариантностью рутинных процедур взаимодействия, равно доступных (в силу присущей им рефлексивности) и исследователю, и непосредственно действующим. Однако, в отличие от непосредственных

¹³ Хабермас (вполне в духе Шюца) приводит следующий пример: «... для маленькой сцены строительных работ расположенная на определенной улице строительная площадка, определенный момент времени, скажем, понедельник незадолго до перерыва на завтрак, и исходная группа коллег, которые в данное время находятся на строительной площадке, образуют начальную точку системы пространственно-временного и социального соотношения с миром, находящимся в „актуальной досягаемости“. Городское окружение участка застройки, район, страна, континент и т. д. образуют в пространственном отношении „потенциально достигаемый“ мир; во временном отношении ему соответствуют распорядок дня, биография, эпоха и т. д., и в социальном отношении — группы членства от семьи до общины, нации и т. д. вплоть до „мирового сообщества“» [15, S. 190].

¹⁴ Это дает основания Хуберту Кноблауху определить хабермасовское коммуникативное действие как «интенцию действия плюс язык» [16, S. 35].

участников, исследователь мотивирован в отношении фактов именно с точки зрения обнаружения и экспликации¹⁵ рутинных способов их фактуализации, а не прагматически. Исследователь действует не «с вычетом своих свойств действующего субъекта» [8, с. 12], а с их учетом, однако в специфическом смысле. Он учитывает их в связи и для своих исследовательских целей, т. е. не отменяя их релевантность, а соотнося с релевантностью своего исследовательского интереса. Он практикует в этом смысле двойное *attention à la vie*, если воспользоваться термином А. Бергсона.

Литература

1. Вахштайн В.С. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.
2. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
3. Гарфинкель Г., Сакс Х. О формальных структурах практических действий / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал. Серия 11. Социология. 2003. № 2. С. 94–136.
4. Гурвич А. Неэгологическая концепция сознания / Пер. с англ. П. Куслия // Логос. 2003. № 2. С. 122–134.
5. Коултер Дж. Прозрачность сознания: доступность субъективных феноменов / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социальные практики. Электронный журнал. 2008. Т. I. № 1. С. 81–125. [<http://www.edc.bsu.by/>].
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999.
7. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Пер. с нем. Т. В. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–24.
8. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках / Пер. с нем. Т. В. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 3–33.
9. Шюц А. О множественных реальностях / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.
10. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.
11. Шюц А. Размышления о проблеме релевантности / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 235–398.
12. Auer P. Sprachliche Interaction. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. Tübingen: Niemeyer, 1999.
13. Benwell S., Stokoe E. H. University students resisting academic identity // Applying conversation analysis / Ed. By K. Richards, P. Seedhouse. Basingstoke: Palgrave, 2004. P. 124–139.
14. Eberle T. S. Ethnomethodologische Konversationsanalyse // Sozialwissenschaftliche Hermeneutik / R. Hitzler, A. Honer (Hrsg.). Leske+Budrich, Opladen, 1997. S. 245–279.
15. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981.
16. Knoblauch H. Kommunikationskultur: die kommunikative Konstruktion kultureller Kontexte. Berlin; New York: de Gruyter, 1995.
17. Patzelt W. Grundlagen der Ethnomethodologie: Theorie, Empirie und politikwissenschaftlicher Nutzen einer Soziologie des Alltags. München: Fink, 1987.

¹⁵ При этом «речь идет о том, — как пишет Мерло-Понти, — чтобы описывать, а не объяснять или анализировать» [6, с. 6].

18. *Schütz A., Luckmann T.* Strukturen der Lebenswelt. UVK Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz, 2003.

19. *Selting M. et al.* Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem (GAT) // Linguistische Berichte. 1998. Heft 173. S. 91–122.

20. *Zimmermann D. H., Pollner M.* The Everyday World as a Phenomenon // Understanding Everyday Life / Ed. by J. D. Douglas. London, 1971.

21. *Zimmermann R.* Utopie—Rationalität—Politik.: zu Kritik, Rekonstruktion und Systematik einer emanzipatorischen Gesellschaftstheorie bei Marx und Habermas. Freiburg, Br.; München: Alber, 1985.

Использованные знаки транскрипции*

[] Накладывающиеся и параллельно произнесенные фрагменты речи.

= Быстрое присоединение нового оборота или единицы речи.

(.) Микропауза (до 1 сек.).

(2.0) Пауза, оцененная как длящаяся приблизительно 2 сек.

и=э Растяжение единицы речи.

:, ::, ::: Удлинение, в зависимости от длительности.

ээ, аа и т. д. Сигналы задержки речи, так называемые «наполненные паузы», внезапные обрывы вследствие глоттальной смычки.

((смеется)) Описание смеха.

((кашляет)) Описание пара- и невербальных действий и событий.

<<смеясь>> Описание сопровождающего речь пара- и невербального длящегося действия.

() Неясный фрагмент, расстояние между скобками зависит от длины произносимой речи.

акцЕнт Интонационное ударение.

↑ Повышение интонации.

↓ Понижение интонации.

? Резкое возрастание интонации в конце единицы речи.

; Постепенное снижение интонации в конце единицы речи.

. Резкое снижение интонации в конце единицы речи.

/ Обрыв слова или фразы

* Согласно правилам транскрибирования Разговорно-аналитической системы транскрипции (Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem, GAT), используемой в рамках анализа разговора (с небольшими модификациями), см.: [19].